

Заключение оклеветанного Ильи Муромца в погреб и спасение им Киева от Кудреванища-царя

Как у ласкова князя да у Владимирера
Заводилось пированьицо, стол, поцесьён пир.
Они все были на пир у их собраны:
И как сильни-могуция богатыри,
Как все паленици да преудалыя,
Ище все же купци-гости торговыя,
Ище все же хресьянушка прожитосьни.
Они все на пиру да напивалисе,
Они все на цесном да наедалисе.
И где-ка пили, где ели — да тут и спать легли.
Напивалсэ Илеюшка тут допьяна,
Наедалсэ Илеюшка досыта.
Он выходит на сэряду кирпичьную,
И он ходит по серяды кирпичьнее:
Он сапог во сапог да поколациват,
Он скобка во скобку нащалкиват,
Ище белыма руками намахиват,
Злоцяныма перснями да он нащалкиват,
Он сам из рецей да выговарыват:
«Волоцю я, толоцю шубу собольнею —
Ишше так я волоцить буду царища Кудреванища
Как за те его за волосы за дол[г]ия,
Я за долгиа волосы за цёрныя!»
И как слуги-ти были подмутцивы;
Намутились они князю Владимиру,
Они той же кнегинушки Опраксеи:
«Уж ты ой, князь стольне-киевской!
Тибя хоцёт волоцить Илеюш[к]а Мурамецъ
Как за те жа за волосы за цёрныя!»
И говорил же тут князь да стольне-киевской:
«Как перву-ту вину и Бог простит!»
И говорили же слуги и во второй раз:

«Уж ты ой еси, и князь да стольне-киевской!
Ишше хоцёт волоцить да вас Илеюшка
Как за те жа за волосы за цёрныя!»
Говорыл же тут князь да стольне-киевской:
«Как втору-ту вину ишше Бог простит!»
И говорили же тут слуги и во третьей раз:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Ишше хоцёт волоцить да вас Илеюшка
Как за те жа за волосы за долгиа,
Как за долгиа волосы за цёрныя!»
И собирал тут он всех же богатырей.
Они думали думу да заединоё:
«Как куда же станём да старого девать?
Нам весить старого — да не повесити,
И казнить нам старого — да не сказнить будёт!»
Да придумали все они заединоё:
Ище выкопать во далечом во чистом поли,
Как во том во роздольици во широком же,
Как выкопать подгрёб да сорока сажон,
Посадить старого казака да Илью Муромца.
Они выкопали подгрёб да сорока сажон,
Посадили Илеюшку — старого казака Муромца.
Запирали они двери да тут жалезныя,
Задвигали задвижочки жалезныя,
Замыкали замки они заморския;
Навалили хрящу тут белого каменя,
Накатили каменя да серодикого:
«И не бывать тебе, старой казак, на белом свету,
Не видать тебе, старому, да свету белого!»
И как сидит Илеюшка в темном подгреби.
Да тут кнегинушка Опраксея добра была,
Как добра-та была она, добродетельна:
Нанимала она пьяницей кабацких жа
Как копать-то ходы да подземельния
Ко тому же ко старому да во темной подгрёб.
И тут выкопали ходы да подземельния.
Как ходила кнегинушка ко старому поцясту,
Как сидела у старого она подолгу;
Що пила, що и ела — да то и ёму нёсла.

Как сидел тут ле старой в тёмном подгреби,
Он не много, не мало — да ровно триццэть лет.
И подымаицьсе туця, да туця грозная,
Туця грозна подымаицьсе немилослива,
Как на тот же, на этот да стольне Киёв-град
Подымаицьсе царищо да Кудреванищо:
Хоцёт князя Владимирера под мець склонить,
Хоцёт сильнюю силоцьку повирубить,
Хоцёт малых робят во углы пови́свистать,
Хоцёт старых старух да всех под гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви в огонь спустить,
Как светы-ти иконы хоцёт во грезь стоптать,
А как кнегину Опраксею за себя хоцёт взеть!
Ище тут князь Владимир да закручинилса,
Закручинилса Владимир да запечалилса, —
Он повесил свою да буйну голову.
Говорыла же кнегинушка Опраксея:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Уж мы сходим-ко во далецё чисто полё,
Мы во то же во роздольицо широкоё,
Как свалим-ко каменьё да серодикоё,
Уж мы сроём хрящи да белокаменьё,
Отомкнём-ко замки да мы заморския,
Отодвинём-ко задвижочки жалезныя
Мы отфорым-ко двери жалезныя —
У нас нет ле в подгрёбу да старогó живогó?» —
«Уж ты глупая кнегинушка Опраксея!
Кабы ты мне, кнегина, да не любя была —
Уж я ссек бы у тя да буйну голову
Я за те жа за реци не за хорошия!»
Говорыла же кнегинушка Опраксея:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Уж мы сходим-ко во далецё цисто полё,
Мы во то во роздольицо во широкоё,
Мы свалим-ко каменьё да серодикоё,
Мы розроём-ко хрящи да белокаменьё,
Отомкнём-ко замки да мы заморския,
Отодвинём-ко задвижочки жалезныя,
Мы отфорим-ко двери жалезныя —

У нас нет ле в подгрёбу да старогó живогó?» —
«Уж ты глупая кнегинушка Опраксея!
Кабы ты мне, кнегинушка, не люба была —
Я бы сек у тебя да буйну голову
Как за те же за реци не за хорошия!»
Говорыла же кнегинушка во третьей раз:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Уж мы сходим-ко во далечё во цисто полё,
Мы во то во роздольё да широкоё,
Мы свалим-ко каменьё да серодикоё,
Мы розроём-ко хрящи да белокаменьё,
Мы отодвинём задвижочки жалезныя!»
И как на то же князь Владимир да не ослышалсэ:
Как пошли-то во далецё цисто полё,
Как во то во роздольё да во широкоё,
Как свалили каменьё да серодикоё,
Как срыва́ли хрящи́ да белока́меньё,
Отмыкали замки да всё заморския,
Отвигали задвижоцьки жалезныя,
Отпирали тут двери жалезныя.
Он кричал-то своим да громким голосом:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Мурамец!
Тебя нет ле в подгрёбу да старогó живогó?
Пожалей-ко-се нужды да нашей бедности:
Наступат на нас царищо да Кудреванищо —
Хоцёт сильнюю силоцьку повырубить,
Хоцёт малых робят во углы повысвистать,
Хоцёт старых старух и в гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви он в огонь спустить,
Как светы-ти иконы во грезь стоптать,
Хоцёт князя Владимира под мець склонить,
Как кнегину-ту Опраксею в замужесьво взеть!»
Ище нету от старогó ответу же.
Закрычал тут князь и во второй раз:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Мурамец!
Тибя нет ле в подгрёбу да старогó живогó?
Пожалей-ко-се нужды да нашей бедности:
Подымаицьсе царищо да Кудреванищо
Как на нас, на тот да стольне Киёв-град —

Хоцёт сильню-ту силу да всю повырубить,
Хоцёт малых ребят во углы повысвистать,
Хоцёт старых старух и в-под гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви в огонь спустить,
Как светы-ти иконы хоцёт во грезь стоптать,
Хоцёт князя Владимира под мець склонить,
Как кнегинушку Опраксею в замужесьво взеть!»
Как ответу от старого да тут и не было.

И как крычал же князь да своим громким голосом,
Он крычал же тут во третьей раз:

«Уж ты ой еси, стары казак Илья Мурамец!

Пожалей-ко-се нужды да нашей бедности:

Подымаицьсе царищо да Кудреванищо

Как на наш же на тот да стольне Киёв-град —

Хоцёт сильню-ту силоцьку повырубить,

Хоцёт малых ребят во углы повыбросать,

Хоцёт старых старух да всех под гору срыть,

Хоцёт князя Владимира под мець склонить,

Как кнегинушку Опраксею в замужесьво взеть!»

Как ответу от старого да тут и не было.

Как ведь тут князю Владимиру за беду пало:

«Уж ты глупая кнегинушка Опраксея!

Кабы ты мне, кнегина, да не любя была —

Я бы сек у тебя да буйну голову

Как за те же за речи не за хорошия!»

И закрычала кнегинушка своим громким голосом:

«Уж ты ой еси, стары казак Илья Мурамец!

Пожалей-ко-се нужды да нашей бедности:

Подымаицьсе царищо да Кудреванищо

Как на тот же на наш да стольне Киёв-град —

Хоцёт сильню-ту силу повырубить,

Хоцёт малых робят во углы повысвистать,

Хоцёт старых старух да все[x] под гору срыть,

Хоцёт Божьи-ти церкви в огонь спустить,

Как светы-ти иконы хотят во грезь стоптать,

Хоцёт князя Владимира под мець склонить,

Как кнегинушку Опраксею в замужесьво взеть!»

Как ответу от старого да тут и не было.

Как крычала кнегинушка во второй раз:

«Уж ты ой еси, стары казак Илья Мурамец!
Пожалей-ко-се нужды да нашей бедности:
Подымаицьсе царищо да Кудреванищо
Как на тот же на наш да стольне Киёв-град —
Хоцёт сильнюю силоцьку повирубить,
Хоцёт малых робяток о углы повысвистать,
Хоцёт старых старух всех под гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви у нас в огонь спустить,
Как святы-ти иконы хотят во грезь стоптать,
Как князя Владимира под меч склонить,
Кнегинушку Опраксею за собя ле хоцёт взеть!»
Как ответу от старого да тут и не было.

Крычала кнегинушка Опраксея:

«Уж ты ой еси, стары казак Илья Мурамец!
Пожалей-ко-се нужды да нашей бедности:
Подымаицьсе царищо да Кудреванищо
Как на тот же на наш на стольне Киев-град —
Хоцёт сильнюю силу да всю повирубить,
А малых ребят о углы повысвистать,
Хоцёт старых старух да всех под гору срыть,
Князя Владимира под меч склонить,
А кнегину Опраксею за собя хоцёт взеть!»
Да выскакивал стары казак Илья Мурамец,
Он из того же из тёмного-то подгребу.

Заревел-то ле он да по-звериному,
Засвистел-то ле он по-соловьиному.

Ище падали князь и во резвы ноги

Как с той же кнегинушкой Опраксеей

Ко тому же старому казаку да Ильи Мурамцу:

«Как прости же, старой казак Илья Мурамец!

Не оставь-ко ты нашей да нужды-бедности:

Ты постой-ко за силу за православную,

Постой-ко за церкви за Божьи же —

Хоцёт сильню-ту силу да он повирубить,

Хоцёт малых ребят о углы повысвистать,

Хоцёт старых старух да всех под гору срыть,

Хоцёт Божьи-ти церкви у нас в огонь спустить,

Как светы-ти иконы хоцёт во грезь стоптать,

Хоцёт князя Владимира под меч склонить,

Кнегинушку Опраксею за себя хоцёт взеть!»
Да и тут же стары казак Илья Мурамец
Не положил он гнев на князя на Владимира:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Уж ты дай же мне погулять да трои суточки!» —
«А ты гуляй, и стары казак Илья Мурамец,
Ты гуляй-ко-се ты, тибе сколько хочицьсе!»
Как гуляли они да трои сутоцьки.
Тут приходит князь да стольне-киевской
Ко тому же казаку да Илью Муромцу:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Тут и ездит невежа да просит поединьщычка.
Не оставь ты как нашей да нужды-бедности —
Ты бери-ко-се силы, да сколько надобно». —
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Мне не надо же силы да твоей множесьво:
Уж ты дай же мне Добрынюшку Микитица,
Уш ты дай же мне Олёшеньку Поповица». —
«Поежджайте вы, сила, да во цисто полё!» —
«Уж ты стой, твоя сила, да у стороноцьки,
А я поеду тут я дак поединьщицьком!
Забреньцит у мя сабелька-та вострая,
Завоюёт у мя да палиця жалезная,
Зареву-то ведь я да по-зверыному,
Засвищу-то ведь я по-соловьиному —
Поежджайте ко мне, да как вы можете!
Не забренцит у мя сабелька-та вострая,
Не завоюёт у мя палиця жалезная,
Не закрыцю тут ведь я да по-зверыному,
Не засвищу-то ведь я по-соловьиному —
Поежджайте вы, да куда можете!»
Как приехал старой казак поединьшицьком.
Как махнул тут царищо да Кудреванищо —
Увёрнулса стары казак за конину грыву!
Как махнул-то стары казак Илья Мурамец —
Как смахнул у царища да и голову с плець!
Забренцела тут сабелька-та вострая,
Завоёвала тут палиця жалезная,
Закрыцел-то Илеюшка по-зверыному,

Засвистел-то Илеюшка по-соловьиному —
Как наехал Добрынюшка Микитиц млад,
Как наехал Олёшенька Поповицъ сын:
Как они били ету силу да трои сутоцьки!
Как поехали они и путём-дорогою назад —
Как лёжит-то этой силы да много и премножесьво!
Они тут же и сами себе да удивилисе:
«Как ище бы естолько силы — дак то бы мы выбили!»
И как которого они рубили на один-от раз —
Из того же тотарина и два стало:
Как которого рубили да они на три раз —
Из того же ведь стало да три тотарына!
Как уцюдилосе силы вдвоём-втроём,
Как уцюдилось етой силоцьки премножесьво!
Как кругом они силы да тут и стали же,
Как воёвали они ище тут трои сутоцьки —
Потом прыбили они эту сильню силоцьку.
Они бились-воёвались, да тут и заспали —
Они спали же тут да трои сутоцьки.
Как прошло этого времени деветь сутоцёк,
Потом проснулись — приехали ко князю Владимиру,
А ко той же кнегинушки Опраксеи.
Как ставал-то князь Владимир на резвы ноги,
Он и цесьть-ту им воздал, поклон отвесил им.

(Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Михáшина Михаила Гавриловича, 44 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.